

Рыжик в

РАПТУСАНА

Агния Арро

Агния Арро
Рыжик в капкане

«Автор»

2024

Арро А.

Рыжик в капкане / А. Арро — «Автор», 2024

— Идиотка! Ты вообще по сторонам не смотришь?!— Я? Здесь пешеходный переход вообще-то!— И что? Это оправдание?! Я мог убится, дура! И тебя бы скребком с асфальта собирали! Дорога скользкая!— Гонять не надо, раз она скользкая, — огрызаюсь. За поворотом, откуда он выскочил на своей машине, уже слышны сирены.— Ты должна мне теперь! За тачку и за моральный ущерб. Поняла? И если ты думаешь, что я не найду тебя или забуду, ты ошибаешься! Мы еще обязательно увидимся.***Не думал, что это произойдет так скоро. И уж тем более не предполагал, что эта рыжая кошка поселится в нашем доме! Она появилась ночью. Испуганная, промокшая, замерзшая. На бледных щеках разводы от туши, губы искусаны в кровь, джинсы порваны и дурацкий вязаный свитер в грязи.

© Арро А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Грант	5
Глава 2. Штраф с пятью нулями	8
Глава 4. С днем рождения меня	13
Глава 6. Чужой дом	18
Глава 7. Откат	21
Глава 8. Поездка к маме	25
Глава 9. Первый день в лицее	27
Глава 10. Занимательный французский	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Агния Арро

Рыжик в капкане

Глава 1. Грант

София

– Мама, у меня получилось! – воодушевленная результатами итогового собеседования, влетаю в ее кабинет.

Она отрывает трубку мобильного от уха и, поджав губы, осматривает меня с ног до головы. Закусив щеку изнутри, стараюсь не улыбаться, поправляю юбку, расправляю плечи. Сердце в груди радостно скачет, на кончиках пальцев вибрирует надежда на несколько миллиметров свободы, замаячивших впереди.

– Ты считаешь это своим достижением? – мать начинает бить молотком по моему хрупкому хорошему настроению.

– Я много работала, чтобы попасть в этот лицей, – стараюсь не опускать взгляд в пол. Ее это бесит.

– Недостаточно, учитывая баллы последних двух тестов! Если бы не репетиторы, на которых уходила большая часть моей зарплаты, чего бы добилась?

– Надежда Алек... – в кабинет заглядывает симпатичная женщина в форме инспектора ПДН, такой же, как у моей мамы. – Ой, извини, я позже зайду.

– Нет, нет, – окрикивает ее мать. – Заходи, Маш. Заодно полюбишься на неблагодарного ребенка. Вместо того чтобы прийти и сказать: «Спасибо мама, что у меня появился шанс учиться в лучшем лицее города», эта эгоистичная девчонка заявляет, что это у нее получилось! У нее, понимаешь?!

– Сонечка, ты получила грант? – обращается ко мне тетя Маша, коллега и единственная подруга матери.

– Да, – сжав зубы, все же отвожу взгляд в сторону.

– Там еще удержаться нужно, – продолжает мать. – Ты думаешь, восемьдесят баллов по французскому помогут тебе удержаться?

– Это хороший результат, мам.

– Хороший результат – это сто, София! Все, что ниже – твоя недоработка и неблагодарность лично мне! Надеюсь, ты не надумала отмечать получение гранта со своей подружкой, которая вообще никогда ничего в этой жизни не достигнет? Потому что это глупо и по-свински отмечать чужие заслуги! Поезжай домой и зубри французский, Софи. В лицей именно он станет твоим вторым языком для изучения. И не забудь, вечером мы едем в ресторан с Владимиром.

– Да, мам...

Опустив плечи, выхожу из кабинета. На улице идет дождь. Капли маскируют мои слезы, одежда моментально промокает насквозь. По позвоночнику бегут ледяные мурашки. Я утром так торопилась, что забыла надеть куртку, но было солнечно, а теперь вот...

Ежусь от сырости, проходя мимо своей остановки. Если я сейчас сяду на автобус, то слишком быстро доберусь до дома, а мне туда совсем не хочется. Там дурацкий французский и противный Владимир, новый ухажер матери, перебивающийся нерегулярными подработками.

«Зато у нас дома порядок, жрать приготовлено и ты под присмотром, пока я на работе», – вспоминаю слова мамы, кинутые в его оправдание.

Я скорее под надзором, как в тюрьме, чем просто под присмотром, но со мной не согласны.

Учебный год уже начался. Мне вообще повезло, что в лицее внезапно освободилось несколько мест и был объявлен конкурс, а не просто взяли очередных мажоров. Конкуренция была огромная, ведь обычных школ в городе много и сильных ребят в них не меньше, а этот лицей – пропуск в лучшие университеты не только страны, но и мира. Это шанс, который я не могла упустить. И вот сегодня объявили, что я прошла. Я! И еще несколько ребят. Мы чудом пробились через всех желающих и стали теми самыми счастливицами, которые вытащили билет в свое лучшее будущее.

Обняв себя руками, дохожу до пешеходного перехода, оглядываюсь по сторонам, проверяя, нет ли машин. Ближайшая довольно далеко, и я спокойно наступаю на «зебру».

Глядя перед собой, дохожу до середины дороги...

...визг тормозов, чей-то крик... Удар... Звон стекла, скрежет металла...

Как в замедленной съемке, с ужасом оглядываюсь на въехавшую в столб дорожную спортивную машину. «Морда» помята, из-под искорёженного капота валит то ли пар, то ли дым. На меня смотрят дикие карие глаза парня, вывалившегося из кожаного салона. Он прижимает руку с дрожащими пальцами к груди. За его спиной с тихим свистом сдувается сработавшая подушка безопасности.

– Идиотка! – орет на меня. – Ты вообще по сторонам не смотришь?!

Вокруг начинает собираться толпа зевак. Люди достают телефоны, начинают снимать, перешептываться, комментировать.

– Я? – от изумления приоткрываю рот. – Здесь пешеходный переход вообще-то! – адреналин прилично придает мне смелости.

– И что? Это оправдание?! – хрипит он. – Я мог убится, дура! И тебя бы скребком с асфальта собирали! Дорога скользкая! – его уже всего колотит.

– Гонять не надо, раз она скользкая, – огрызаюсь.

За поворотом, откуда он выскочил на своей машине, уже слышны сирены.

– Это жесть... – парень со стоном хватается за волосы. Сгибается пополам. Уперев руки в колени, смотрит на тачку. – Мне конец...

Возле нас останавливается машина ГИБДД, чуть дальше паркуется скорая. Инспектор разгоняет толпу, осматривает машину. Медики разделяются. Один подходит ко мне, второй пытается осмотреть парня.

– Да не трогайте вы меня! – продолжает психовать он. – Нормально со мной все! Пока... – морщится, снова прижимает кулак к груди.

Врач все же настаивает на осмотре. Парня отводят к карете скорой, поднимают футболку. Отворачиваюсь, чтобы не подумал, что я плююсь. Надо больно! Но мальчик красивый, подтянутый, с этим не поспоришь.

– А у меня все хорошо, – уверяю второго медика. – Он меня не задел.

– Почему раздетая? Так холодно на улице. И промокла вся, – ругает доктор.

– Случайно получилось, – немного виновато улыбаюсь.

Меня все равно осматривают, убеждаются, что, правда, все нормально, и уезжают, выдав инспекторам какие-то бумаги.

– Я могу идти? – спрашиваю у одного из инспекторов, ежась от холода.

Мужчина помоложе идет к служебной машине, приносит оттуда куртку, накидывает мне на плечи.

– Пока нет. Вы нам еще нужны, – укутывает меня в нее и отходит к коллеге.

– Решила сбежать? – зло ухмыляется горе-гонщик.

– Зачем? Я ни в чем не виновата, – напоминаю ему.

– Ты невнимательная дура! Я из-за тебя тачку разбил! – опять заводится он.

– Тихо, тихо! Тормози, парень! – осаживает его инспектор. – Права, документы на машину есть? – спрашивает у него.

Кареглазый монстр достает с заднего сиденья рюкзак, копается в нем, протягивает инспектору небольшой пластиковый конверт.

– Что там? – мужчина не торопится взять его в руки.

– Документы. Очень рекомендую начать их изучение с паспорта, – буквально всовывает инспектору конверт и складывает руки на груди этот наглец.

Инспектор отщелкивает кнопочку, вытаскивает из конверта документы, открывает паспорт.

– Калужский Платон Бориславович... У-у-у... Да ты влип, парень. Восемнадцати нет, а ты за руль?

– То есть фамилия тебе вообще ни о чем не говорит? – резко переходит на «ты».

– А у нас что, для прокурорских сыновей законы переписали? – хмыкает инспектор. – Машину сейчас заберет эвакуатор, а ты с нами поедешь. Будем папе звонить, радовать. Старший тут на мотоциклах по ночам гоняет, младший днем портит городское имущество и пугает людей, да еще и без прав. Не порол отец вас в детстве. Ой, не порол...

– Принципиальный значит, – вздыхает парень. – Угораздило же вляпаться! – и снова смотрит на меня. – Ты должна мне теперь, – выдает, скрипнув зубами. – За тачку и за моральный ущерб. Поняла? И если ты думаешь, что я не найду тебя или забуду, ты ошибаешься! Мы еще обязательно увидимся, кошка.

Глава 2. Штраф с пятью нулями

Платон

Голова кружится. Не ударялся вроде, подушки сработали, а все равно штормит. Тачка у ментов неудобная. Ерзаю, стараясь хоть как-то устроиться.

– Сиди спокойно! – рявкает один из инспекторов. – Пристегну сейчас.

– Попробуй только, – зло огрызаюсь.

Надо успокоиться и договориться, иначе я не доживу до утра. Отец узнает, что я разбил его тачку, и прикопает меня под ёлкой во дворе. Я бы тихо отогнал ее в сервис и все. Никто бы ничего не узнал. Эта машина все равно стоит во втором гараже. Отец туда не заглядывает, наивно полагая, что у сыновей нет дубликата ключей.

Чтобы договариваться, нужна наличка. У меня только мелочь в карманах, все остальное на карте.

– Позвонить можно? – спрашиваю у инспекторов.

– Папе? – ехидно интересуется.

– Слушай, ну давай вот сейчас уже адекватно поговорим. Что тебе с моего ареста? Звездочку на погоны повесят? Не повесят. Очевидно же, что авария случайная. Дорога под дождем скользкая, тачку занесло на повороте, и я вписался в столб. У девчонки ко мне претензий нет, она просто испугалась. А ты бы не испугался, если бы на тебя неконтролируемая машина выскочила? Выпиши мне за превышение с процентами, и мы разойдемся. Ну ты же видел доки, у меня завтра день рождения!

– Превышение – раз, – погибает он пальцы. – Несовершеннолетний за рулем – два.

– Это штраф. Ну права заberi, они все равно в силу завтра только вступят. Отпусти меня. Я могу быть очень благодарным. У тебя наверняка есть жена, ребенок там, я не знаю. Сводишь их в ресторан, на карусели.

Молчит. Да что ж вы несговорчивые такие! А может самому прокурору нос утереть решили? Мол, вот мы какие молодцы, даже мажоров с известными фамилиями по участкам таскаем. Надо Гордею позвонить, чтобы вытащил меня отсюда.

Подъезжаем к участку. Тот, что за рулем, оглядывается, внимательно на меня смотрит.

– День рождения, говоришь, завтра?

– Паспорт проверь.

Открывает мои документы, смотрит, усмехается.

– Надо же! И правда завтра. Ладно, считай, что договорились, – неожиданно соглашается мужик.

– Да ты чего?! – праведно возмущается второй.

– Знаешь, Коль, я с твоей принципиальностью ипотеку до свадьбы еще нерожденных внуков не закрою. Ему что наши штрафы? Папа заплатит в государственную казну копеечку и поедет пацан снова по городу кататься. Кому легче станет?

– Хоть кто-то здесь соображает, – вздыхаю, закрывая глаза. – Нам в банкомат надо, – сообщаю инспектору. – Где здесь ближайший?

– Сейчас найдем.

А Коля молчит. Да он тоже денег хочет, просто нет у него ни жены, ни детей, ни ипотеки, вот и выёживается со своими принципами. В нашем мире все и всех можно купить. Ценник только у всех разный, ну и борзомер тоже.

Меня доставляю к банкомату. Оставляем принципиального Колю сидеть в тачке, идем со вторым снимать бабки.

– Машину вернете? – не спешу набирать циферки на экране.

– На штрафстоянке она, – задумчиво чешет затылок под фуражкой. – Решу сейчас.

– Вперед, а я тебе гонорар увеличу. Сам решишь, делиться с другом или нет, – набираю красивую цифру с пятью нулями, быстро бегая пальцами по экрану монитора.

Мне башка моя дороже бабок, так что похрен. Карта все равно безлимитная.

Приятный звук машинки, пересчитывающей деньги, и сумма у меня в руках. Жду, когда инспектор договорится насчет моей машины.

– Сейчас заедем к нам, я тебе дам бумагу. С ней заберешь свою тачку. Но там, сам понимаешь, пацан, без эвакуатора не вариант.

– Разберусь, – отдаю ему большую половину суммы. – Остальное, когда получу бумагу. Извини, правила этой игры я очень хорошо знаю.

Он не обижается. Быстро прячет деньги в карман, идем к машине, возвращается к отделению. Меняю одну бумагу на стопку других в коридорчике без камер. Руку мне протягивает. Игнорирую. Просто ухожу.

Сначала договариваюсь с сервисом, потом вызываю эвакуатор сразу к штрафстоянке. Еду туда на такси. Предъявляю документы, забираю машинку.

Все, можно выдохнуть. Парни в сервисе сделают ее быстро как вип-клиенту. До дома бы еще добраться. На улице дождь опять расходится. Так не хочется туда выходить.

Жду свое такси на диване сервиса. Приходит сообщение. Выскакиваю на улицу. И до машины, вроде, несколько шагов всего, а я все равно успеваю промокнуть. Рубашка противно прилипает к телу, штаны мокрые до трусов.

Я люблю дождь, когда он не капает мне на голову. Сейчас же, ежась от противного озноба и все еще испытывая легкое, неприятное головокружение, добираюсь до дома.

Большой модный особняк в это время года, несмотря на все дизайнерские решения и окружающие его деревья, выглядит мрачно. Снова передергиваю плечами и, уже наплевав на то, что холодная вода заливается везде, где только можно, хлюпаю кроссовками к крыльцу. Надо было послушать брата и взять куртку, но я же на машине, там тепло. На кой она мне была нужна?

Дома никого. Отец на работе. Где Гордей, я не знаю. В комнате его нет, на своей мотобазе ему сейчас тоже делать нечего, а в универе занятия давно закончились.

Набираю ванну и долго греюсь в ней, погрузившись в горячую воду по самый подбородок.

– Глаза у девчонки красивые, – озвучиваю вслух собственные мысли.

Насыщенные зеленые, с четко выраженным темным ободком по краю, а внутри рыжие разводы, прямо как ее волосы. Разглядел...

Вылезаю из остывшей воды. Вытираю волосы, заматываю бедра большим полотенцем и иду к себе. Залипаю в комп на пару часов, гоняя теперь на виртуальной тачке.

Ближе к восьми вечера собираюсь в клуб. Будем цеплять девчонок на деньги и внешность. Спасибо маме, с последним у меня проблем нет.

Глава 3.

Тяжелый день, ужасный вечер

София

Меня только к вечеру перестало морозить после прогулки под дождем. Владимир вернулся с очередной шабашки. Скоро еще и мама должна появиться. Она звонила, предупредила, что задерживается.

К учебнику французского я так и не притронулась. Из головы не выходит произошедшее днем. Наглый мажор! За что я ему должна? За то, что он носится по дорогам и собирает все столбы на поворотах? Сам виноват! И как он найдет меня, интересно? Чушь! Мы живем в большом городе. Он, конечно, может попросить мой адрес у инспекторов, что его задержали, но они не имеют права раскрывать личные данные.

Выдыхаю и раскрываю створки шкафа. Надо выбрать одежду для похода в ресторан. Глянув на платье, передергиваю плечами. Стихия к вечеру только расходится, так что даже на машине я не готова перемещаться в этом тонюсеньком куске ткани.

Достаю джинсы, футболку и любимый мягкий вязаный свитер под цвет своих волос. Если маму не устроит такой вариант, я с радостью останусь дома. Сидеть с ней и Владимиром за одним столом у меня нет ни малейшего желания.

Переодеваюсь, укладываю волосы.

Входная дверь хлопает. Это мама вернулась.

Практически сразу открывается и моя, как всегда, без стука.

– Ты в этом собралась идти в ресторан? – Мама недовольно поджимает губы, рассматривая меня.

– Да. Я попала под дождь сегодня и очень замерзла. В платье наверняка простужусь, а нам завтра документы в лицей отвозить, – захожу с правильной стороны.

– Ладно. Не смертельно, – вздыхает мать. – Французский учила?

– Да, – вру, стараясь сделать максимально честные глаза.

– Вова, – зовет сожителя. – Соня занималась?

– Не знаю, я работал, – летит ей в ответ из кухни.

– Ладно. Я все же надеюсь, что ты понимаешь всю ответственность, которая теперь на тебя ложится. Сейчас я переоденусь и поедем.

Это всего лишь еще один вечер с глупыми, несмешными шутками маминого мужчины и упреками в том, что я недостаточно благодарна и трудолюбива. Ничего нового не будет. Разве что повод. Зачем-то ведь этот прилипала позвал нас именно в ресторан.

Владимир галантно открывает нам двери старенькой «шестерки». Дребезжа металлом, захлопывает. Двигаюсь в угол к окну и замираю мышкой, чтобы не отсвечивать лишний раз и не нарваться на лекцию. Я люблю маму, у меня нет никого кроме нее, но она слишком давит. Чтобы я не сделала, будет недостаточно хорошо. Она всегда требует больше.

– У нас сегодня опять был рейд, – вздыхает мама. – Двух малолетних наркоманов из подвала забрали. Ты бы их видел, Вов! Не старше Соньки, а в глазах пусто. Там вообще ничего нет. Это так страшно. Трясутся все, бледные, грязные. Люди без будущего, – это сказано для меня. – Давно я тебя с собой не брала, – поворачивает ко мне голову. – Ты и расслабилась. Посмотришь вот на таких и вспомнишь, ради чего надо вкалывать!

– Я не хочу смотреть на наркоманов, – отвечаю маме.

– А ты иначе не понимаешь! Ты начинаешь наглеть и расслабляться!

– Да где я расслабляюсь, мам?! – становится обидно. – У меня и друзей-то не осталось. Одна учеба.

– Друзей? Что они дадут тебе, София? Образование? Будущее? На скамейках в парке штаны протирают да по клубам шастают, а потом мы их по подвалам вылавливаем, а девок на аборт таскаем. Твой друг – это учеба. Но ты и здесь не дотягиваешь! Могла ведь сдать лучше. Не дотянула, недозанималась. Зато с подружкой своей гуляла.

– Мам, ну хватит. Я же прошла конкурс, – голос предательски дрожит.

– Прошла она...

– Надь, ну правда, – останавливает ее Владимир. – Оставь ты девочку в покое. Она все сдала. Молодец. Давай не будем ссориться сегодня.

– Да я и не ссорюсь, Вов. Я просто не понимаю, как можно так безответственно относиться к своему будущему.

– Все, успокойся, – он целует ее прямо при мне.

Морщась, отворачиваюсь к окну и стараюсь не вслушиваться в эти чавкающие звуки. Ужасно! Почему это обязательно делать при мне? Но мама хотя бы успокоилась.

Владимир паркуется у ресторана. Снова галантно открывает для нас двери.

Входим в небольшой простенький зал. Осматриваюсь. У меня ресторан ассоциируется с чем-то более масштабным и помпезным, а здесь все больше похоже на столовую, даже не на кафе. Самостоятельно выбираем столик. Владимир заказывает для всех ужин, выбирает вино для них с мамой и сок для меня.

Достаю мобильник из кармана штанов, чтобы хоть чем-то себя занять. Мама тут же выхватывает его из моих рук.

– Совесть у тебя есть? Можно хотя бы здесь без телефона?

Можно. Отворачиваюсь к окну и молча смотрю, как за стеклом расплывается свет фар проезжающих мимо автомобилей. Есть не хочется, но я все равно ковыряю вилкой в тарелке, чтобы опять не упрекнули в неблагодарности. #ОнЖеСтарался!

Владимир наливает вино маме в бокал, достает из кармана черную пластиковую коробочку.

– Надь, выходи за меня, – звучит предложение.

Мама удивленно смотрит на своего мужчину и не торопится отвечать.

– Вов, ты серьезно сейчас?

– А что, такие вещи можно говорить несерьезно? – удивляется.

– Неожиданно, – улыбается мама. – Очень... Спасибо тебе, Вов... – подбирает каждое слово. – Я подумаю, ладно?

– Подумаешь? – недоумевает ее сожитель.

– Да. Я не отказываюсь, просто мне надо с этим переспать, – смеется она. – Я не могу так сразу ответить. Не обижайся, – гладит его по руке и защелкивает коробочку, пока не принимая кольцо.

Владимир махом осушает ее бокал с вином.

– Вова! – возмущается мама. – Ты за рулем!

– Я больше не буду, – наливает ей и нервно принимается за еду.

Мама его успокаивает, что-то воркует на ухо. Мужчина постепенно расслабляется. Даже начинает улыбаться.

– Соня, а ты чего молчишь? – решает докопаться до меня. – Ты что думаешь насчет моего предложения?

– А разве это имеет значение? – стреляю в них взглядом и снова отворачиваюсь.

Конечно нет. Я ведь еще ребенок без права на свое мнение. Чтобы я не сказала, это не примут в расчет. Просто закрываюсь от внешнего мира и сижу тихо, жду, когда закончится ужин.

Владимир расплывается с официантом. Садимся в машину. Над головами раскатисто грохочет гром. Крупные, яркие молнии рассекают небо, а дождь даже не собирается прекращаться. Мамин сожитель резко дергает машину с места. Цепляюсь пальцами за ручку под потолком и крепко сжимаю ее в кулаке. Ремня безопасности здесь нет, дорога под нами скользкая, а Владимир выпил еще бокал вина, пока мама отлучалась в туалет.

– Вов, аккуратнее.

Машина слушается плохо. Проезжаем мимо две аварии. Возле одной стоит скорая, мигая спецсигналами. Сегодняшняя встреча с мажором вновь пронесется перед глазами. Ужасный день... пусть он побыстрее закончится... Мне страшно. Накрывает настоящей паникой.

Нервно сглатывая, цепляюсь второй рукой за сиденье. «Шестерку» снова слегка ведет на повороте. Жмурюсь.

Вроде пронесло... выдыхаю, когда мы останавливаемся на светофоре. В салоне слышны щелчки работающего поворотника. Мы почти дома. Сейчас вот здесь свернем и все, там уже наш дом будет видно.

Слышу характерный звук пытающейся затормозить машины... Я сегодня уже слышала такой. Не надо, пожалуйста...

Поворачиваю голову. В нас летят две ярко-желтые фары...

– Мама!!! – кричу и рефлекторно наклоняюсь вперед, закрывая голову руками.

Сильный удар кидает меня в бок. Бьюсь головой, в глазах темнеет, во рту появляется металлический привкус крови. Вокруг звенит стекло, рвется металл.

– Мама... – хриплю, пытаюсь сквозь пелену перед глазами разглядеть, что происходит в салоне.

Дверь с моей стороны рывком открывается. Чьи-то руки подхватывают, дергают на себя, вытаскивая мое тельце под проливной дождь.

– Девочка жива, – слышу незнакомый мужской голос, находясь на грани сознания.

Глава 4. С днем рождения меня

Платон

– Пятьдесят семь... пятьдесят восемь... – считаю вслух, – пятьдесят девять... С днем рождения меня. Наконец, восемнадцать, – грустно усмехнувшись, убираю телефон, разворачиваюсь к сопящей рядом малознакомой девчонке, подцепленной в клубе, и понимаю, что мне больше ничего не хочется, кроме одного – я хочу, чтобы она ушла.

Меня обламывает грохот тяжелых автоматических ворот на улице. Светить девчонку перед отцом нельзя, пусть уж лучше спит. Утром разберусь.

Встаю с кровати. Глушу отличный блюз в колонках. Поднимаю с пола штаны. Звякнув бляшкой ремня, надеваю их и иду к окну.

Сверкнув фарами, во двор въезжает сначала такси, а следом эвакуатор. На нем в хлам разбитая отцовская тачка.

Да уж... Две разбитые в один день машины для семейства Калужских – это перебор. Как же так, папа? Ты же самый законопослушный гражданин в нашем городе (для виду, конечно, но это не имеет значения). В кого ты впилился?

Из-за проливного дождя мне плохо видно происходящее внизу. Охранник выносит отцу зонт. Родитель не спешит заходить в дом. Он кому-то звонит, нервно расхаживая взад-вперед и раскидывая туфлями воду с дорожки. Судя по его поведению и размашистым жестам руками, он основательно вляпался. Я отделался лишь легким испугом.

Грудю металлолома, некогда бывшую пафосной тачкой бизнес-класса, сгружают возле гаража. Папа расплачивается, отпускает эвакуатор. Снова звонит, снова мечется.

В мою комнату тихо стучат. Это старший брат, больше некому.

Открываю.

– Ты видел? – шепчет Гордей, чтобы не разбудить мое праздничное развлечение.

– Да. Только что-то я не горю желанием сейчас туда спускаться.

– Идем, – ухмыляется братишка. – Не нарывайся только. Папочка явно не в лучшем настроении. С днем рождения, – протягивает мне ладонь.

Сжимаю. Гордей дергает меня на себя. Обнимает, хлопает по плечу. Это все поздравления, больше не будет. Седьмое ноября в нашей семье еще и день памяти женщине, что дала нам с братом жизнь. Мама умерла, рожая меня. Гордей ее помнит урывками, ему тогда только пять исполнилось, а я совсем ничего не знаю. Отец не говорил со мной о ней даже когда я мелким плакал и просил. Мне кажется, ему было бы легче, если бы врачи тогда спасли ее, а не меня. Но у них не получилось, я похож на маму... Не складываются у нас отношения с отцом... Не складываются!

Накидываю футболку, чтобы и правда не нарываться. Выходим с Гордеем на лестницу, спускаться ниже пока не рискуем.

Охранник открывает дверь, и моя челюсть падает, больно ударяясь о ступеньки. На пороге дома она! Чертова рыжая кошка! Испуганная, промокшая, замерзшая. На бледных щеках разводы от туши, губы искусаны в кровь, джинсы порваны и дурацкий вязаный свитер в грязи. Огненные волосы резко контрастируют с белой кожей. Ее шатает. Если бы не отец, это недоразумение рухнуло бы на пол.

Меня подкидывает от ее появления! Какого черта?!

Родитель ловит нас с братом взглядом.

– Это мой подарок на совершеннолетие? – усмехаюсь, разглядывая дрожащую девчонку.

Гордей толкает меня в бок, осаживая.

– Это София. Она поживет некоторое время в нашем доме, – сообщает отец, не реагируя сейчас на мой выпад.

– Мама... – шевелит губами девчонка. – Где моя ма... – бессознательной куклой падает к нему на руки.

Ловит с тяжелым вздохом. Несет на диван, вызывает знакомого частного врача.

София, значит... Красивое имя для бездомной кошки.

Карма, она такая, детка. Из-за тебя в столб въехал я, а теперь вот, похоже, в твою тачку въехал мой папочка и теперь усиленно будет прикрывать свой зад. А вот что с родителями, интересно...

Меня опережает Гордей. Он спускается к ним и спрашивает у отца:

– С мамой ее что?

– Не знаю пока. В больницу увезли. Остальное вас не касается, – тут же огрызается. – Не вздумайте лезть, я сам все решу. За девочкой вот лучше присмотрите.

– Да мы как бы и не планировали вмешиваться, – спокойно отвечает братишка. – У твоего сына день рождения, – тихо напоминает.

– И что? Он его заслужил?

Вот, это оно и есть. Не заслужил я ни дня рождения, ни самого рождения, судя по всему.

– Гордей, распорядись, чтобы для Софии приготовили гостевую спальню на первом этаже. И принеси мне выпить чего-нибудь, – голос отца снова срывается на хрип.

Мне сверху хорошо видно, как трясутся его руки. Машина с отличной системой безопасности его не убила и даже не покалечила, а вот тем, в кого он въехал, похоже, досталось гораздо сильнее.

Меня не трогает его состояние, скорее даже немного радует. Приятно, когда любящего власть, уверенного в себе прокурора об колено ломают неподвластные ему обстоятельства. В такие моменты он становится похож на человека, которого интересует в жизни не только успешная карьера и большие бабки. Да он просто становится похож на человека!

Мои губы трогает циничная ухмылка. Отец ловит ее, повернув голову именно в этот момент. Его глаза сверкают злостью, но стон рыжей кошки, приходящей в себя, отвлекает внимание родителя.

Сажусь на ступеньки, наблюдаю, как приезжает и суетится вокруг нее врач. Как папочка отваливает ему приличную сумму налом. Как суетится домашний персонал, подчиняясь распоряжениям Гордея.

Отец уносит кошку в комнату, идет в сторону своего кабинета.

– За мной оба, – кивает нам головой.

Нехотя поднимаюсь, плетусь следом. Гордей догоняет уже у двери. Отец распускает галстук, рывком расстегивает верхние пуговицы на рубашке и присасывается к горлышку бутылки с дорогим виски. Закашливается, отставляет бутылку в сторону и обращает внимание на нас с братом:

– Платон, Софии понадобится новая одежда и наверняка какие-то личные вещи. Помоги ей завтра заказать все необходимое.

– С хрена ли?! – моментально вспыхиваю.

– Я тебе язык сейчас вырву! – рывкает отец. – Тебе сказали, ты сделал! Все, пошел вон отсюда. Хамло малолетнее!

– Сдай ее лучше в приют для бездомных животных. Кошкам там самое место!

– Ты давно по морде не получал?! – Отец сжимает ладони в кулаки.

– А ты по-другому разговаривать и не умеешь! – огрызаюсь.

Гордей ругает за это, но я упрямый. Даже зная последствия такого поведения, стою до конца.

– Исчез отсюда, неблагодарный шенок! И только попробуй не сделать то, что я сказал!

– Да, да... – закатываю глаза к потолку. – Побежал уже, – иду к двери.

Мимо меня летит та самая бутылка с виски. С грохотом врезается в стену и, не разбиваясь, падает на пол, расплескивая по паркету дорожкой алкоголь.

Глава 5.

Дурак!

Платон

Захожу в комнату, кидаю взгляд на кровать. Там все еще спит девчонка, которую я при- тащил с собой. Мечусь из угла в угол. Верхняя губа подрагивает от злости. Какого черта он ее сюда приволок? Очевидно же, что кошке нужна нормальная медицинская помощь. Почему отец не оставил ее в больнице? Тем более, по его же словам, там ее мать.

И какого черта я должен с ней теперь возиться? У меня своих дел, что ли, нет?!

– Ты чего не спишь? – вылезает из-под одеяла мое развлечение.

– Сейчас такси тебе вызову. Домой поедешь, – сообщаю ей.

– Случилось чего? – сонно хлопает ресницами симпатяжка.

– Наигрался, – жму плечами и вызываю ей тачку. – У тебя десять минут.

– Ну и гад же ты, – фыркает она.

– Не ангел точно!

Отхожу к окну, жду, когда оденется. Дождь немного стих, и теперь на мокрой, глянцевой дорожке красиво играют блики от ночных фонарей. Я и правда гад, а еще сволочь, придурок и все прочие нелицеприятные эпитеты. Хорошим быть больно и невыгодно. Этот урок я усвоил быстро и решил, что не подпускать к себе людей слишком близко – не так уж и плохо. Гордей говорит, так происходит потому, что я ни в кого еще ни разу по-настоящему не влюбился. А я не умею. Смотрю сейчас на Севера, у них с Этель все вроде неплохо начинается. Она мне нравится. Добрая очень, светлая, слишком чистая для нашего лица. И хорошо, что Артем с ней, он защитит, когда будет необходимо. У меня с Элей все равно бы не получилось. Она стала бы очередной проходной девочкой, которой пришлось бы сделать больно, чтобы не запустить слишком глубоко к себе в душу. Там темно и страшно. Она бы испугалась. Я и сам иногда боюсь, что уж говорить о хрупкой фее.

Вывожу свою ночную гостью через гостиную во двор. Сажаю в тачку, сразу расплачиваюсь. Мне уже наплевать, что это увидит отец. День рождения – это вроде как праздник. Вот свой праздник я только что выпроводил.

В доме, несмотря на позднее время, все еще царит легкая суета. Бегают туда-сюда домработница. Сейчас вот с тазиком розовой от крови воды прошла мимо меня. Догоняю, молча забираю у женщины тяжесть, выплескиваю в раковину.

– Спасибо, Платон. С днем рождения, – шепчет Арина. – Утром испеку твой любимый пирог с ягодами.

– Что там с кошкой? – жду, когда она наберет еще воды.

– С кошкой? – не сразу понимает. – А-а-а, ты про девочку? – Киваю. – И правда есть в ней что-то такое. Испугалась она очень и головой ударилась, но ничего серьезного. Отлежится, к обеду уже встанет на ноги.

– Давайте, я донесу, – забираю у нее таз, иду в сторону гостевой комнаты.

– Дальше я сама. Не надо тебе пока туда, – шепчет Арина. – Иди поспи, мальчик, – гладит меня по руке. Поднимает с пола таз, толкает ногой дверь и быстро ее закрывает.

Мне все же удастся заметить огненно-рыжие волосы предмета моего раздражения.

– Ты чего тут трешься? – за спиной раздается голос отца.

Молча разворачиваюсь, обхожу его, иду к лестнице.

– Платон! – окрикивает.

Замираю.

– Чтобы я больше твоих девок здесь не видел! В честь дня рождения, так уж и быть, прощаю.

– Оригинальное поздравление, пап, – отвечаю, так и не обернувшись. – Спасибо, ты очень щедр.

Надо бы поспать. Утром в лицей, а потом бой у Севера, первый после его восстановления. Надо сходить. Артем в этом один из лучших на мой взгляд. Да и все же приятнее провести время в спортивном комплексе, чем вернуться домой, где на тебя всем насрать.

Меняю постельное белье, включаю блюз на портативной колонке, закрываю глаза. В какой-то момент меня все же утягивает в липкое, темное марево без сновидений.

– Вставай, именинник, даже меня уже успел достать твой будильник, – смеется старший брат.

– У тебя его не слышно, – отвечаю, не торопясь открывать глаза.

– Держи, – кладет что-то мне на грудь.

Глаза все же приходится открыть. На одеяле конверт, а в нем билет на три игры в страйкбол в любое удобное для меня время. Пострелять я тоже люблю, братишка знает.

– Спасибо, – киваю Гордею.

– Не за что. Хоть эмоции сбросишь, а то на взводе весь последнее время. Ночная гостья не помогла? – усмехается он.

– Да при чем тут, – кривлюсь. – По этой части у меня как раз проблем нет. А вот кошка бесит. И свалить ведь пока вариантов нет. Ни образования, ни собственных денег.

– Это да. Как ни печально, но к отцу мы привязаны в этом плане. Ладно, не грузись сегодня сильно. У тебя все же праздник. Докинуть тебя до лица?

– На байке?

– Нет, на машине сегодня. Погода там отвратительная. Все еще капает.

– Тогда я на такси доберусь. Не хочу, чтобы ты из-за меня опоздал.

Быстро принимаю душ, надеваю форму лица. Белая рубашка с длинным рукавом отлично садится на подтянутый торс, застёгиваю ремень черных брюк и выбираю пару минут между жилеткой приглушенного красного цвета и таким же свитером с логотипом лица. Если надеть свитер, можно не напяливать галстук. Выбор падает в пользу теплой, приятной на ощупь вещицы.

Вешаю на плечо рюкзак, спускаюсь в столовую. На столе меня уже ждет обещанный пирог и стакан молока.

– Как в детстве, – улыбаюсь Арине.

– Кушай, мой хороший, – проводит ладонью мне по затылку. – Он весь твой, – улыбается домработница.

– Ого! Класс!

Жмурясь от удовольствия, впиваюсь зубами в мягкую золотистую корочку еще теплого ягодного пирога. Запиваю молоком и получаю просто взрыв вкуса у себя во рту. Это уносит меня в детство, где я еще не понимал, почему Гордея отец любит больше, чем меня, но очень ждал праздников ради этого самого пирога с молоком.

Арина в нашем доме появилась как раз, когда я родился. Она начинала с обычной няньки для ненужного никому ребенка и постепенно доросла до управления всем домом, но все равно продолжает обо мне заботиться. Может это потому, что своих детей у нее так и не случилось.

– Доброе утро, Арина, – в столовой появляется отец. Смотрит, как я пью молоко, усмехается. – Кофе мне сделай, – просит женщину. – Софию кормила?

– Девочка еще спит, – Арина суетится, ставит перед хозяином чашку кофе без сливок и сахара.

– Платон, не забудь помочь сегодня Соне заказать необходимые вещи, – напоминает отец.

– У меня планы...

– Я твои планы тебе еще вчера озвучил! – тут же раздражается родитель. – Человеку помощь нужна, ты понимаешь это?

– Что-то я раньше не замечал за тобой особого человеколюбия. Ты угробил ее мамашу? – меня заносит. Арина гладит по напряженной спине, стараясь успокоить.

– Уйди от него! – достается и ей. – Что ты с ним носишься, как с дитем? Хватит уже. А ты следи за языком, мальчик. Мама Софии в больнице, я еще вчера тебе сказал. Сожитель ее погиб, а у женщины серьезные травмы. Она пока без сознания, но жизни ничего не угрожает. Это я узнал час назад. Ты доволен?

– Будешь лечить? – меня не трогает эта история.

– Буду. И похороны мужчины организую. Гордей мне в этом помогает. А тебе досталась задача проще. Ты ведь любишь хорошеньких девочек развлекать. Вот и займись! Только без фокусов! Узнаю, лично кастрирую.

– С хрена ли я должен тебе помогать? – не унимаюсь я.

– Потому что мы вроде как семья, – напоминает отец.

– Забавно, что ты вспомнил это слово, как только вляпался по самые уши. Из твоего рта, отец, это скорее звучит как оскорбление.

Его кулаки сжимаются до хруста. Я технично сваливаю, пока не выхватил за то, что опять не смог сдержаться. Ну дурак же, прав старший брат. Дурак!

Глава 6. Чужой дом

София

После страшного вечера и беспокойной ночи утро в чужом доме оказалось поздним. Добрая женщина со вкусом пахнущими руками дала мне две маленькие таблетки, и я смогла немного поспать.

Состояние странное. Глаза открыты, но мне все еще чудится, что я сплю. Авария при-
снилась и этот дом тоже, а еще тот самый мажор, с которым мы успели встретиться до случив-
шегося. Весь вчерашний день в целом похож на один сплошной кошмар. Надо подняться и
узнать, где мама. Думать о страшном не хочется. Всеми силами гоню от себя такие мысли.

Подтягиваюсь на локтях выше. Осматриваюсь в небольшой, но вполне уютной комнате в
оливковых и зеленых тонах. По бокам от двуспальной кровати стоят тумбочки со светильни-
ками на высоких резных ножках. Тканевые абажуры приятного бежевого цвета дают мягкий
свет, расползающийся по стене за спинкой кровати. В углу открытый узкий шкаф с интерье-
рной мелочью. Единственное окно задернуто шторой, в зеленую и бежевую полосу в тон всей
комнаты. Широкий мягкий подоконник с подушками заканчивается еще одним узким шка-
фом, в этот раз с закрытыми дверцами.

Спускаю ноги на мягкий ковер. Босые ступни приятно утопают в пушистом ворсе, похо-
жем на весеннюю траву. Пол подо мной немного качается. Пережидаю неприятный приступ,
подхожу к окну, поднимаю, фиксирую наверху штору.

Во дворе слякотно. Дорожка, выложенная резной тротуарной плиткой, блестит от нака-
пывающего дождя. На высоких деревьях, выращенных строго в положенных им ландшафтном
дизайнером местах, от легкого, но очевидно холодного ветерка дрожат сухие, не успевшие
опасть листья.

Я плохо помню, куда меня привезли среди ночи, но даже по тому, что вижу из окна,
могу оценить масштабы. Большой дом, большой двор... Где еще мог жить мажор? Явно не в
деревянной бабушкиной развалюшке.

Легкое одеяло, в которое я завернулась, все время сползает с груди. Надо бы найти свою
одежду. Оглядываюсь. Ее нигде нет. Подхожу к шкафу с закрытыми дверцами. Заглядываю в
него. Тоже ничего. И как выйти отсюда? Мой организм жалобно ноет от желания срочно найти
туалет. Закусив губу, сажусь на кровать, свесив вниз ноги.

– Ты проснулась? – В спальне появляется та самая женщина, что возилась со мной добрую
половину ночи. Как же вовремя. – Сейчас, сейчас. – смеется она, видимо, прочитав все по
моему жалобно скучившемуся лицу. – Вот, возьми, должно подойти. У нас женских вещей нет
в доме. Одни мальчишки. Платон помладше был, носил, – протягивает мне стопку одежды. –
Переодевайся, я покажу тебе дом и накормлю завтраком.

Быстро надеваю серые спортивные штаны на мягкой резинке и свободную белую фут-
болку. Выскакиваю из комнаты, пригладив волосы ладошкой.

Арина, так зовут эту заботливую женщину, первым делом провожает меня в санитарную
комнату, расположенную недалеко от моей. Вручает мне расческу, зубную пасту, запакованную
щетку и чистые полотенца. Привожу себя в порядок и возвращаюсь к ней.

– Легче? – улыбается.

– Да, спасибо. Скажите, а мама? С ней все в порядке?

– Я почти ничего не знаю. Персоналу не сильно докладывают, – гладит меня по руке. –
Слышала, что она в больнице и пока без сознания. Борислав Георгиевич, хозяин дома и папа
наших мальчишек, – последнее говорит с особенной теплотой, – занимается ее лечением. Не
переживай. Все будет хорошо.

– А я могу к ней поехать?

– Не думаю, что сейчас в этом есть большой смысл. Могут еще и не пустить, но это ты лучше спроси у самого Борислава Георгиевича, когда он появится. А пока пойдем, я тебя покормлю и надо обработать ссадины.

– Вы говорили про мальчишек. Их здесь много? – хочется понимать масштабы бедствия. Один мажор – это катастрофа, а если их несколько, это же вообще страшно!

– Мальчишек у нас двое. Ну как мальчишек. Это я их так называю, потому что выросли на моих глазах. Гордею недавно двадцать три исполнилось, а у Платона сегодня день рождения. Этому ежику теперь восемнадцать. Совсем большой стал.

– Почему «ежик»? – смеюсь, проходя в след за Ариной в столовую, размером со всю нашу с мамой квартиру.

– Колючий, потому что. И фыркает все время. Садись. Ты что будешь? Есть каша, творог, йогурт. Могу просто бутерброды тебе сделать. Чай, кофе, сок, молоко? – перечисляет она.

– Да я... сама могу бутерброды... – мне становится совсем неловко за такое беспокойство. Как-то не принято у нас обслуживание. У мамы работа такая, что готовить, да и в целом, быть самостоятельной по дому я научилась довольно рано.

– Сиди. У тебя вообще постельный режим. Так что ты будешь?

– Творог, если можно. И чай, любой, – уточняю на всякий случай.

Арина ставит передо мной пиалку с зернистым отборным творогом, отдельно тарелочку со свежими ягодами. Приносит горячий чай, приборы, салфетки. И продолжает суетиться, пока я ем.

Помимо нее здесь есть повар, две женщины, которые занимаются уборкой, садовники, охрана, собаки.

После завтрака мне также ничего не дают делать. Убирают посуду, вытирают со стола. Арина приносит аптечку и обрабатывает все мои ссадины.

– Ляжешь?

– Нет. Не хочется, – кручу головой. – Может я могу вам чем-то помочь, пока мы ждем Борислава Георгиевича? Он во сколько приедет?

– Не знаю, Сонь. Всегда по-разному. Четкого расписания нет. Он у нас очень занятой человек. Бывает, вообще не ночует, а то и не по одному дню. А помогать мне не надо. Здесь есть кому этим заниматься. Можешь просто погулять по дому. У нас тут три этажа и полуподвальное помещение. Там котельная и прочее обеспечение дома. На втором этаже спальни мальчишек и хозяйина. Третий этаж, скажем так, рабочий. Там большая библиотека, кабинет Борислава Георгиевича и другие, сейчас не используемые, комнаты. Здесь, – обводит рукой пространство, – комнаты персонала, гостевые спальни, спортзал и выход в закрытый бассейн. Думаю, не заблудишься, – смеется Арина моим распахнутым от удивления глазам.

Чтобы не мешаться под ногами, уйду в комнату. Неудобно мне шастать по чужому дому. Не мое это все и нечего тут делать. Дождусь хозяйина этого замка и спрошу, как мне можно вернуться домой. А еще... Ой... Блин-блин-блин! Мы документы в лицей сегодня должны были отвезти. Как же теперь? Грант быстро найдет нового хозяйина.

У меня с собой нет даже телефона и время тянется очень долго, а Борислав Георгиевич все никак не приезжает.

Арина зовет ужинать. Я не хочу есть, но иду, чтобы еще немного с ней поболтать и не сходить с ума в четырех оливковых стенах.

Стол в столовой накрыт на троих. Это уже вызвало у меня желание вернуться в комнату, но бежать глупо и странно. Надо быть благодарной за то, что меня спасли и приютили. Зачем только? Вот это мне пока непонятно. Могли бы оставить в больнице, а оттуда меня бы просто отпустили домой.

Сажусь на то место, где завтракала. За спиной слышу шаги, тяжелые, явно мужские.

– Привет, – мне улыбается обаятельный брюнет. – Гордей, – представляется он.

Так и подумала, что это старший мажор. Они с братом похожи. Гордей тоже темненький, кареглазый. В чертах лица есть сходство, но взгляд не такой «волчий», как у Платона. Гордей крупнее, шире в плечах и при этом кажется мягче.

– Здравствуй, – киваю ему. – София, – представляюсь в ответ, хотя он и так, вероятно, знает мое имя. – Можно спросить?

– Спроси, – пожимает плечами и садится за стол.

– Твой... к-хм... ваш отец дома?

А то вдруг я не заметила, как он вернулся.

– Нет. Он поздно будет. А зачем он тебе?

– Про маму хотела спросить, – не вижу смысла скрывать. – И мне бы домой.

– Это вряд ли, – усмехается парень.

– К сожалению, – раздается пренебрежительное за моей спиной. – Арина! – раздраженно повышает голос Платон. – Какого черта за нашим столом делают бездомные кошки?! Сейчас блох напустит. Жрать как? М?!

Глава 7. Откат

София

– Платон! – возмущается Арина.

– Я не буду есть, – переводит взгляд на меня. – Тошнит!

Разворачивается и уходит.

– А ну стой, негодный мальчишка! Посмотри на меня, Калужский! Ты пил, что ли?

Но он не реагирует, скрываясь из виду.

– Невыносимый, – вздыхает Арина. – Ладно, простим ему. День рождения все-таки, – качая головой подходит, гладит меня по волосам.

Сердце возмущенно стучит в груди, но ничего сказать я ему не успела, да и опять же, возвращаемся к вопросу чужого дома. Он здесь хозяин, а я даже не гостя.

Гордей спокойно ест, тоже не вмешиваясь в перепалку. У меня окончательно пропал аппетит. Из уважения к повару и Арине впихиваю в себя пару вилок салата. Он встает поперек горла.

После ужина снова закрываюсь в комнате. Вот зря я не сходила на экскурсию по дому. Взяла бы книгу в библиотеке. Даже учебнику французского я была бы сейчас очень рада, лишь бы чем-то себя занять.

Борислав Георгиевич приехал действительно поздно. Я успела уснуть. Проснулась, услышав голоса за дверью. Мужчина тихо приоткрывает ее, заглядывает.

– Не спишь?

– Уже нет. Здравствуйте, – сажусь на кровати, подтягивая выше одеяло.

– Здравствуй, София. Мы не успели познакомиться с тобой. Борислав Георгиевич, – официально представляется. – Ты, наверное, волнуешься о маме? Я был у нее сегодня. Она все еще без сознания и к ней пока не пускают. Как только будет можно, тебя к ней отвезет мой водитель.

– А Владимир?

– Он погиб, к сожалению, – мужчина отводит взгляд к окну. – Завтра похороны. Поедешь?

– Да, – киваю, сглотнув ком, застрявший в горле.

Владимир хоть и раздражал меня, но он долго жил с нами, и мама вроде его любила. Нельзя не пойти, это будет неправильно.

– Мне можно вернуться домой? Я могу пожить одна. Правда, – заверяю его.

– Понимаешь, девочка, тебе нет восемнадцати. У службы опеки и попечительства могут возникнуть вопросы. Да и здесь тебе будет комфортно. В доме есть все от бассейна до библиотеки. Ты где-то учишься?

– В школе, но я грант получила и сегодня мы должны были подать документы в лицей. Как теперь быть, я не знаю, – опускаю голову. – Можно мне туда съездить? Надо только забрать все из дома, – тараторю, набрав в легкие побольше воздуха, вдруг еще есть шанс.

Выдыхаю. Голова снова кружится, пальцы покалывает.

– Что за лицей?

– Самый лучший в городе, – вздыхаю, – седьмой.

– Хм. У меня младший сын там учится и старший его закончил. Лицей действительно лучший, ты права. Не переживай. С твоим грантом все будет нормально, я решу. Вы с Платоном заказали вещи?

– Нет, – удивленно моргаю.

При упоминании этого хама у меня внутри все сжимается в тугую узел. А он еще и учится там же. Вот это я вляпалась, называется...

– Вот с... засранец! – злится Борислав Георгиевич. – Сказал же ему! Ладно. Завтра утром водитель отвезет тебя к вам на квартиру, переоденешься, соберешь необходимые вещи и документы. Оттуда он привезет тебя сразу на кладбище. Отдыхай, София.

– Борислав Георгиевич, – окрикиваю мужчину уже у двери. – Можно мне все же увидеть маму? Пожалуйста, – голос срывается.

Не знаю, то ли наполненные слезами глаза, то ли что-то иное все же пробило стену его деловой вежливости и такой же заботы, к которой у меня все еще много вопросов. Только задавать их этому человеку мне почему-то страшно.

– Хорошо. Заедем после похорон к ней в больницу.

– Спасибо, – благодарно складываю ладошки вместе.

Он уходит, оставляя после себя лишь напряжение и шлейф терпкого дорогого парфюма. Станный и пугающий человек. И делает ведь хорошо, заботится, помогает, но во всем этом есть подвох. Такие люди, как он, не спешат быть добрыми и сентиментальными к таким, как я. Мы из разных вселенных. Его дети, особенно младший, отличное тому подтверждение.

Проревев в подушку почти до утра, встаю и шлепаю в душ. В доме еще тихо, и я спокойно стою под теплой водой, смывая с лица высохшие следы ночной истерики. Мне жалко Владимира, искренне жалко. И очнется ли мама? В голову что только не приходило в темноте ночи. Шок после страшного дня прошел, и меня накрыло волной эмоций. Дрожащими пальчиками смываю с себя пенку от геля. Хорошо промываю длинные рыжие волосы. Заворачиваюсь в мягкое большое полотенце и, хлюпая носом, возвращаюсь в комнату. Ехать домой придется в том, что мне выделила Арина. Надеваю штаны и футболку, а сверху чудом уцелевший любимый оранжевый свитер. Забираюсь с ногами на мягкий подоконник и просто смотрю в окно. Там мужчина в камуфляже занимается с двумя немецкими овчарками. Послушные собаки выполняют все его команды и виляют хвостами, получая вкусняшки.

– Соня, ты чего завтракать не идешь? – ко мне заглядывает Арина. – Эй, детка? – подходит, обнимает меня, прижимает голову к своей груди. – Ты чего плачешь? Вчера не плакала, – гладит меня по спине. – По маме скучаешь?

– Домой хочу, – всхлипываю, обнимая ее. Так хочется почувствовать поддержку, которой у меня никогда не было.

– Ну что ты, моя хорошая девочка... Все, вытирай слезки, – поднимает мое лицо ладонями и стирает влажные следы с лица. – Вот так. Мама поправится и поедешь домой. А здесь тебе будет лучше, чем в каком-нибудь интернате. Ты же домашняя девочка, ты не сможешь там. Пойдем, я напою тебя чаем. А лучше какао с корицей и свежими блинчиками.

– А Платон? – сама теперь стираю с лица слезы.

– Он не встал еще. Наотмечался вчера все-таки, но отцу этого лучше не знать. Я сейчас тебя накормлю и пойду его поднимать.

Чудесные теплые блинчики с медом помогли немного успокоиться. Сама убираю за собой со стола. Арина провожает меня на улицу до машины, знакомит с водителем. С опаской смотрю в салон.

– Может я сама доберусь? На маршрутке, – предлагаю им обоим, делая шаг назад.

– Сава очень аккуратно водит, у него большой опыт, не бойся, – успокаивает меня Арина.

– У Владимира тоже был опыт, – делаю назад еще пару шагов. – А теперь Владимира больше нет, – снова всхлипываю.

Арина вздыхает, оглядывается. Я вместе с ней поворачиваю голову и у входной двери замечаю Платона. Парень стоит со стаканом сока в руке и наблюдает за нами.

– Иди сюда, – машет ему Арина.

Он отрицательно качает головой.

– Зачем? Не надо, я поеду, – тут же соглашаюсь и, сжавшись в пружинку, забираюсь на сиденье.

Платон стоит и ржет надо мной. Смешно ему!

Дверь за мной закрывается, словно ловушка. Обеими руками впиваюсь в дорожную кожу сиденья и всеми силами стараюсь погасить в себе панику, болезненно пульсирующую в животе.

– София, вы живете по прописке мамы? – интересуется Савелий.

– Да, – выдавливаю из себя.

– Не бойтесь. Я обещаю доставить вас везде сегодня в целости и сохранности, – улыбается приятный молодой мужчина. – Хотите воды? Могу включить музыку, – предлагает он.

– Ничего не нужно, спасибо. Просто доведите меня живой, пожалуйста. А то что-то не складывается у меня с машинами в последнее время.

У родного подъезда ставлю на асфальт дрожащие ноги. Добрались! Теперь у соседки надо взять запасной ключ. Это тоже квест. Она начнет задавать вопросы, на которые я не хочу отвечать. Сама ничего еще не поняла и не осознала.

От нее меня спасает Савелий. Завидев крупного мужчину с серьезным лицом за моей спиной, тетя Люда быстро находит и отдает наши ключи.

Захожу домой. Здесь все пахнет нами. Мамиными духами, стряпней Владимира. Висит ее китель на вешалке и его спецовка в пакете. Так и не закинул в стирку после своей шашки.

Чтобы опять не разреветься, стараюсь собираться как можно быстрее. В сумку летят личные вещи, средства гигиены, любимая игрушка, личный дневник, учебники, тетради и старенький ноутбук вместе с зарядкой. В гостиной в серванте нахожу кнопочный мобильный телефон. Он был моим самым первым еще в начальной школе. Хорошо, что мама не стала его продавать. Нужна теперь только сим-карта, но это проще, чем купить мобильный, на который денег у меня просто нет.

Кстати, о них!

Карманных у меня почти не было. Мама считала, что обеспечивает меня всем необходимым, а своих денег я не заслужила еще, это блажь. Сейчас они мне очень нужны, и я, краснея от стыда, залезаю в конверт с деньгами, отложенными на репетиторов. Там немного, но хоть что-то. Буду растягивать, как смогу.

На кухне на плите стоит прокисший суп и второе в глубокой сковородке. Все выбрасываю, мою посуду, поливаю немногочисленные цветы. Покрепче запираю балконную дверь, перекрываю газ, свет, воду. Все, как по учебнику.

Савелий забирает сумку и рюкзак. Я звоню в дверь соседки.

– Теть Люд, я ключи возвращаю. Если вам не сложно, заглядывайте пару раз в неделю к нам, поливайте цветы. Нас не будет некоторое время.

– Что-то случилось, Сонечка? У тебя глазки красные. Плакала?

– Нет. То есть да. Мама в аварию попала, в больнице сейчас.

– Ох... Ужас-то какой! – всплескивает руками. – А ты как же? А Вова? Где Вова?

– Погиб, – мой голос все же срывается. – Похороны сегодня, – веду рукой, демонстрируя, что успела переодеться в черные брюки, блузку и куртку.

– Ты же моя девочка, – тетя Люда искренне меня обнимает и тоже всхлипывает. – Помощь нужна какая, Сонь? Я могу по соседям пройти, денежку собрать. И сама ты где сейчас? Может, у меня поживешь?

– За ней присмотрят, не переживайте, – за меня отвечает Савелий.

– А это кто, Сонь? – шепчет мне на ухо тетя Люда.

– Я потом расскажу. Вы присмотрите за квартирой, ладно?

Сава протягивает ей визитку.

– Здесь мой номер телефона. Если что-то срочное, звоните. У Софи пока нет. Мы решим этот вопрос в ближайшее время и ее номер я вам тоже пришлю. До свидания. Сонь, нам ехать пора, – поторапливает меня.

– Держись, девочка, – тетя Люда крестит воздух мне вслед и хлопает дверью только тогда, когда мы спускаемся на этаж ниже.

Провожает нас взглядом с балкона.

Сава оказывается осведомлен больше, чем я предполагала. Но мне уже все равно. Я снова держусь одной рукой за сиденье, будто в случае аварии это меня спасет, а второй прижимаю к себе рюкзак. Очень страшно и, как назло, опять расходится дождь. Впереди виднеется высокий забор городского кладбища. Это странным образом меня успокаивает.

Глава 8. Поездка к маме

София

Всю церемонию я проживаю молча. Рядом со мной стоит Гордей в черной рубашке и коротком пальто с поднятым от ветра воротником. Платон тоже оказался здесь. Он наблюдает за процессом, стоя у машины отца.

Возложила живые цветы на свежую могилу, в последний раз посмотрела на фотографию мужчины, который больше никогда ничего не приготовит в нашей квартире и не наденет свою противно пахнущую спецовку.

– Извините, что так и не смогла принять вас в нашу семью, – прошептала тихо.

Развернувшись, иду к машине, на которой меня сюда привезли. Сажусь в салон, забиваюсь в угол и замираю. К нам садится Борислав Георгиевич. Парни уезжают на другом автомобиле, а мы едем в клинику к маме, как мне и обещали.

Надо бы сказать этому человеку спасибо за то, что все организовал. Потратил свои деньги и время, но я пока не могу. Меня опять будто заморозило.

В клинике неприятно щекочет нос запах лекарств, даже стоящие в больших кадках цветы в холле не спасают. Борислав Георгиевич просит меня подождать на диванчике для посетителей, а сам уходит договариваться с врачом.

Чтобы чем-то себя занять, кручу в руке свой старенький кнопочный телефон, а заодно думаю над словами Арины. Правда, не знаю, что было бы лучше: интернат или чужой дом, где мне совсем не рады. Если Гордей занял нейтральную позицию и не особенно спешит со мной общаться, то Платон настроен агрессивно.

А как сложилось бы в интернате? Мама много рассказывала о таких детях в качестве примеров из своей работы. И все эти истории совсем не радужные. Как там говорят? Из двух зол выбирают меньшее. Осталось понять, какое из тех, что свалились, меньшее для меня.

– Соня, пойдем, – зовет Борислав Георгиевич.

Послушно подхожу к нему. Мужчина протягивает мне белый халат и ведет за собой по коридорам в отделение интенсивной терапии.

– Здравствуйтесь, София, – кивает врач. – Я делаю исключение просто потому, что у вас из близких больше никого нет. У вас пять минут.

– Спасибо.

Обрабатываю руки антисептиком, надеваю бахилы и захожу в бокс. Мама лежит с закрытыми глазами, к носу подведена кислородная трубка. На лице ссадины, рука зафиксирована в гипсе, голова перебинтована.

Смотрю на нее и не знаю, что сказать. Все слова вдруг застряли комом в горле. Прокашливаюсь, подхожу еще немного ближе и прикасаюсь пальцами к ее руке.

– Мам, ты возвращайся ко мне, ладно? – все же произношу шепотом. – Я выучу французский на сто баллов и в лицее буду стараться, только очнись, пожалуйста. Не бросай меня. Мне очень страшно и одиноко, мам, – делюсь с ней тем, что никогда не сказала бы в глаза.

Она бы просто фыркнула на меня и все, но сейчас мне надо с кем-то поделиться, чтобы просто выдержать все это.

– Соня, пора, – торопит врач.

– Я еще приду к тебе, – еще раз глажу маму по руке и выхожу из бокса. – Скажите, – обращаюсь к врачу, – какие у нее прогнозы?

– Пока сложно сказать. Состояние стабильное, что уже хорошо. Будем наблюдать за динамикой и передавать всю информацию для вас через Борислава Георгиевича.

– А мне можно будет еще к ней приехать?

– Когда придет в себя. Пока в этом правда нет необходимости.

– Хорошо.

Выходим на улицу. Привожу себя в порядок при помощи пары бумажных салфеток.

– Ты голодная? – рядом встает отец Платона.

– Нет, – качаю головой. – Мне нужно где-то подключить новую симку для телефона. Я прогуляюсь, если можно. Потом сама доберусь.

– Прогуляйся, – кивает, шарит по карманам, достает коричневое кожаное портмоне, перебирает пластиковые карты. – Возьми вот эту, – протягивает мне одну из них. – Там достаточно денег. Купи себе все, что необходимо, раз мой сын тебе с этим не помог.

– Спасибо, не нужно, у меня есть свои деньги, – не спешу принимать столь щедрый подарок от моего странного благодетеля.

– Бери, Сонь, и не занимайся ерундой. Я примерно представляю, сколько всего нужно девочке твоего возраста, а у нас мужской состав дома, – улыбается он. – Кстати, я звонил в лицей, переговорил с руководством. Не переживай, тебя там ждут, как только ты будешь готова приступить к учебе. Сегодня водитель привезет тебе форму и учебники.

– Спасибо. Это отличная новость, – первая хорошая за последние пару дней. – А можно завтра?

– Уверена, что это хорошая идея? – хмурится он.

– Уверена. Мне будет легче, когда я загружусь учебой.

– Ну хорошо, тогда договорились. Сегодня погуляй, а завтра с документами туда и сразу на занятия. Все, мне пора. Дела не ждут.

Прогулка по городу помогает немного прийти в себя. И даже голова не кружится, только ноги гудят, но в целом я чувствую себя вполне нормально. Мысли о том, что я завтра вернусь к учебе, воодушевляют. Меньше времени буду проводить в напряженной обстановке чужого дома.

Подключаю себе новую сим-карту, сразу вставляю в телефон. На меня в салоне так удивленно смотрят. Так и хочется сказать: «Да, представляете, с такими телефонами еще ходят!», но грубить неприлично, я же хорошо воспитанная дочь своей мамы, так что просто ухожу, подняв голову чуть выше обычного.

Рядом с салоном сотовой связи обнаруживается небольшое кафе. Захожу, заказываю себе горячий чай и булочку с корицей. Совсем недорого и очень вкусно, а еще тепло. Я успела подмерзнуть, пока бродила по ноябрьским улицам. Теперь надо сориентироваться, на чем добраться до своего временного жилья и ехать. Темнеет сейчас рано, на улице становится сильно холоднее.

Кутаясь в курточку, долго стою на остановке, вычитывая маршрутные листы на стеклах проезжающих мимо автобусов и маршруток. Нахожу подходящий, забираюсь в него и радуюсь, что небольшой ПАЗик забит битком. Среди плотно прижавшихся друг к другу людей неудобно, но очень тепло. Веки тяжелеют и начинают слипаться. Чуть не просмотрела свою остановку. От нее еще довольно прилично идти пешком, а по-другому до особняка можно добраться лишь на такси. Нет у меня на него денег. Застегиваю замок повыше, надеваю капюшон, прячась от холода, и топаю по хорошо освещенной улице.

– Соня, ну слава Богу, – меня встречает Арина. – Я уже хотела в розыск подавать!

– Извините, немного не рассчитала время на дорогу.

– Ничего. Надо номер телефона мне твой записать, чтобы так не дергаться. Давай сейчас в ванную греться, а я пока ужин разогрею. Мальчишки уже поели. А еще, Сонь! – окликает меня. – Форму из лицей привезли. Ее выгладили. На вешалке у тебя в шкафу висит. Учебники на тумбочке. Сама разложи, как тебе удобно.

Глава 9. Первый день в лицее

София

Сегодня удивительно солнечно. После последней недели сплошного дождя погода решила сжалиться и подарить жителям города немного витамина «Д». В животе пульсирует волнение. Новая школа, новые одноклассники... и Платон. Непредсказуемый, грубый, наглый. Там его территория и он может устроить какую-нибудь подлость. Моя задача сохранить лицо и хорошо учиться. Это за них платят родители, а я просто не имею права потерять этот грант, подвести маму и себя.

Пока водитель везет меня на занятия, настраиваюсь исключительно на рабочий лад. Друзей, очевидно, мне там не найти. Мы с ними слишком разные. А вот показать класс в знаниях я и правда могу.

Эти мысли немного успокаивают. Из машины выхожу уверенно, стараясь дышать так, чтобы в животе не было слишком больно.

Расположение корпусов я успела изучить на сайте лицея. Воспроизвела эту информацию в памяти, нашла административный, отдала документы. Никто не стал задавать лишних вопросов. Мне выдали расписание и отправили на первый урок.

Ирония жизни – первым уроком оказался именно французский, который уже отмечен у меня в бланке как мой дополнительный язык.

В главном корпусе кипит жизнь. Голоса, смех, суета. Форма сглаживает социальное неравенство, но я все равно вижу, кто есть кто. Детей из таких семей, как у Платона, отличают даже жесты во время разговора, а еще оценивающие взгляды, несколько из которых неприкрыто направлены на меня.

Быстро ухожу из входной зоны в один из коридоров. Судя по номеру, кабинет явно не на первом этаже. Быстро взбегаю по лестнице на второй и вместе со звонком упираюсь в нужную дверь. Выдохнув, дергаю ее на себя.

– Здравствуйте, – произношу, чуть охрипнув от волнения.

– Новенькая? Дегтярева? – преподаватель смотрит по журналу.

– Да, – киваю, крепче сжимая в ладони лямки рюкзака.

– Проходи, выбирай любое свободное место. На уроках иностранных языков мы максимально погружаемся в среду. Говорим только на том языке, который учим. Я видела твои баллы по французскому. Очень неплохие для обычной средней школы.

– Спас... Ай! – меня сносит болезненным толчком в спину.

– Калужский! – повышает голос преподаватель.

– И здесь ты, – пренебрежительно кривится Платон, мазнув по мне взглядом. – *Je vous demande pardon pour ce retard* (Прошу прощения за опоздание), – без грамма сожаления произносит он.

Красиво произносит, если честно. Этот язык ему идет, не будь Калужский таким гадом.

– *Tu vas écrire une explication. Maintenant, asseyez-vous rapidement. Et ainsi pris beaucoup de temps* (Ты напишешь объяснение. А теперь быстро садитесь. И так отняли уйму времени).

Нас буквально откидывает друг от друга. Платон обходит ряды по дуге с одной стороны, я – с другой.

– *Un con* (Идиот), – выдохнув, сажусь за последнюю парту.

Я не знаю, как он это услышал! Но злой взгляд и «*Tu es fini*» (Тебе конец) в ответ, прилетели моментально.

– *Arrêtez-vous!* (Остановитесь!) – повышает голос преподаватель.

Замолкаем. Сердце колотится в горле, пальцы дрожат. Ручка пару раз выпадает из рук, привлекая ко мне внимание, которого и так оказалось слишком много для первого учебного дня.

После второй пары нахожу столовую. Есть не хочется, а вот стакан чая я бы взяла.

Поражает разнообразие предлагаемых блюд. Это точно обычная школьная столовая?

Мое внимание привлекает простой свекольный салат с молотыми грецкими орешками. Решаюсь взять его и стакан горячего чая. Нахожу местечко, куда можно присесть, аккуратно несу свой завтрак.

– Народ, – голос Калужского заставляет вздрогнуть. Иду дальше, не глядя на него. – Три секунды, – обращается ко всем присутствующим. – Разрешите представить, – позерствует он. – Моя персональная игрушка. Папа на день рождения подарил.

– Ты офигел?! – возмущенно разворачиваюсь с подносом в руках.

– Я тебе слово не давал, – делает несколько шагов в мою сторону. – А еще очень-очень проголодался. Хочу салат с морепродуктами и свежавыжатый апельсиновый фреш. У тебя две минуты. И если ты вдруг сейчас начнешь возражать, – говорит уже гораздо тише, – я напомню, сколько денег ты должна мне за разбитую тачку. У тебя нет вариантов, кошка. Ты либо отработываешь их, делая то, что я говорю, либо ищешь бабки, – достает телефон, вбивает на нем цифры и разворачивает экраном ко мне. – Вот столько бабок.

У меня дыхание перехватывает от увиденной суммы. Да я даже если на работу устроюсь, свою свободу у этого придурка не выкуплю.

– Жду свой обед, – нагло улыбается Платон.

– На, – вручаю ему свой поднос.

– Что это? – удивленно вскидывает бровь.

– Обед, – улыбаюсь, стараясь скрыть панику. – Вкусно и для мозгов полезно. Тебе пригодится!

Пока он не очнулся, быстрым шагом иду в сторону выхода из столовой. Натыкаюсь на какого-то сероглазого парня. Кажется, тоже из нашего класса.

– Зря ты так с ним, – говорит он тихо. – Не простит.

– Тём, ну мы идем... – рядом с ним появляется красивая брюнетка. – Ой, привет. Я Этель, мы не успели познакомиться.

– Соня, – быстро представляюсь в ответ.

– Очень приятно. Ты уже обедала? Можешь сесть с нами, заодно познакомимся.

– Не может, – одергивает ее тот самый Тёма.

– Почему это? – девушка удивленно на него смотрит.

– Потому что мы не будем лезть в разборки Платона. Пойдем, Эль, времени почти не осталось, а я жрать хочу.

– Ну как же...

– Идем, я сказал, – подталкивает ее к раздаче.

Вот так. Помощи и поддержки мне здесь явно не найти. Слово Калужского – закон, а я так... *«Игрушка, которую папа подарил».*

Глава 10. Занимательный французский

Платон

Едва сдержавшись, чтобы не догнать и не надеть на одну рыжую голову поднос с отвратительным свекольным салатом, бросаю его на ближайшем столе и под заинтересованными взглядами Севера и его компании, иду искать свое персональное недоразумение.

К кошке в лице не приблизится никто, я ее место четко и публично обозначил. Север Элю придержит от дружеских порывов, а Лу сама не полезет. Она к себе людей просто так не подпускает.

– Кис-кис-кис, – иду по коридору, заглядывая в ниши и места, где мы обычно сидим на подоконниках. – Кошка, ты сбежала от меня? Наивная. Ты же живёшь со мной на одной территории. Я тебя все равно найду. Кис-кис, – зову снова.

Поднимаюсь на следующий этаж.

– Оу...

Застываю в коридоре возле кабинета психологии. София стоит у окна спиной ко мне. В ее рыжих волосах запуталось солнце. Оно подсвечивает весь хрупкий силуэт девчонки. На широком подоконнике лежит рюкзак, поверх него форменный свитер лица. Белая блузка слегка просвечивает. Вздрагивают узкие плечи. Плачет?

Подхожу ближе. Меня не видно за высоким декоративным лимоном с небольшими жёлтыми плодами.

Кошка достает из рюкзака бумажные платочки, приводит себя в порядок.

Точно плачет...

Прислушиваюсь к себе. Откликается?

Ну так, внутри что-то странно дергается и все.

Что же сделать с тобой, кошка? Как наказать? Мысли в голову лезут самые пошлые. Ещё этого мне не хватало! Хотеть это блохастое чудовище!

С жёсткой ухмылкой тихо выхожу из своего укрытия и... делаю несколько шагов назад. Надо свалить отсюда как можно быстрее. Собственная реакция на увиденное мне не нравится.

«Из-за этой идиотки ты разбил машину!» – напоминаю себе.

Кстати, о машине, надо же забрать. И я просто сваливаю из лица, договорившись с охраной. Голова раскальвается, настроение отстой. Отцу позвонят, конечно, а он обязательно сожрет мне мозг за прогул, только мне почему-то похрен сегодня. Я увидел картинку, которая никак не отпускает. Надо переварить и выплюнуть, пока не встала поперек горла.

Забираю тачку из сервиса. Катаюсь по городу без фанатизма. Сейчас бы на трассу и погонять часа два в никуда, просто пейзажами полюбоваться и голову свою пульсирующую прочистить. Вместо этого еду домой. Машину в гараж надо загнать и сделать честный вид, что я к ней не прикасался. Парни в сервисе вылизали ее так, что не докопаешься.

Домой приезжаю раньше кошки и мне плевать, где ее носит. Арина гоняет двух уборщиц. Говорит, у нас какие-то гости вечером важные образовались.

Вместо того чтобы подняться к себе, сворачиваю в комнату Сони. Толкаю дверь в оливковое царство. Весной пахнет с порога. Прикольно. Захожу, плотно прикрываю за собой дверь, чтобы Арина не спалила и не выставила меня отсюда.

На стуле аккуратно сложена ее домашняя одежда. На тумбочке бумажная книга, раскрытая и перевернутая страницами вниз. Духи, расческа, плюшевая игрушка на кровати. Забираю. Осматриваюсь внимательнее. Лезу в тумбочку, нехорошо, знаю, но очень интересно, что хранят кошки в таких местах. Клубки с нитками и заводных мышей?

Нет. Тетрадки разноцветные, дневник с замочком... Дневник?! Уже интересно, а замок бутафорский, не работает. Какая доверчивая живность у нас тут завелась. Так открыто хранить личное, можно сказать интимное.

Открываю сразу последнюю страницу, а там занимательный французский...

«Nuit sombre dans la ville Sombre
Le chat noir marchait dans la rue...»

...перевожу стихотворение в своей больной голове:

«Тёмной ночью в Тёмном городе
Шел по улице черный кот.

Глаза умные, шерстка с проседью,

Шёл по улице старый кот.

Знает кот, что никто в этом городе

В дом, в семью его не возьмет.

Не обидится кот. Мимо нас пройдет.

Тайны темные, что услышит кот,

В темноту он с собой унесет.

И не знает никто, как одиноко коту.

Ему бы любви, заботы ему.

Он бы гордость унял и хозяина он

Не любил, уважал и был верен ему».

– Маленькая, рыжая... Зараза! – сжимаю зубы.

Мы с тобой еще обязательно обсудим это стихотворение, кошка, а пока надо валить отсюда. Жалко бросать тут эту занимательную тетрадочку, но я теперь знаю, где она лежит и обязательно вернусь.

Довольно улыбаясь, кладу дневник на место, выглядываю из комнаты и быстро выскальзываю в коридор, пока никого нет. Игрушка кошачья зажата у меня в руке. Пусть поищет, а я потом поторгуюсь и, возможно, верну, если София будет себя хорошо вести.

Падаю спиной на кровать в своей комнате. Глаза закрываю и снова вижу, как в ее волосах путается солнце. Она не может мне нравиться! Просто не может. Но нравится же... Красивая девочка, только зашуганная. Я таким был лет в десять, когда отец особенно зверствовал по пустякам. Потом переболел, научился противостоять и открыто не нарываться, если специально не хотел его позлить.

Нет! Надо выбить эту дурь из головы. Мы просто поиграем. Она ответит за разбитую тачку, а я не сдохну со скуки в ближайшее время.

Отличный план!

Дотягиваюсь пальцами до Сониной игрушки, тяну к себе, подношу к лицу и вдыхаю запах. Тоже весной пахнет. Мне нравится этот запах. Он теплый и солнечный.

«Стоп, Калужский! – торможу себя. – Ты че творишь?! Нужен ты ей! Отцу не нужен, Дашке был не нужен, потом Эля... Красивая, добрая девочка. Она тоже выбрала не тебя. Что сейчас изменится? Ни-че-го! Просто будет снова больно, а я зарекаюсь. Не хочу этого больше! Полегчало? Ну вот и славно...» – игрушка одним точным броском улетает с кровати на шкаф и скрывается там между запылившимся шлемом и роликовыми коньками.

Есть охота.

Переодеваюсь, спускаюсь в столовую. Стоя ко мне спиной, с Ариной разговаривает Соня. Тихо подкрадываюсь к ней сзади. Вздрагивает, все же услышав шаги. Отскакивает от меня. Оглядывается, прислонив кулачок к груди.

– Чего ты хочешь от меня, Платон?! – голос охрипший, глаза красные.

А мне самому бы разобраться, чего я теперь хочу...

Глава 11.

Где здесь мужчина?

Платон

Верхняя губа вздрагивает в подобии оскала. Внутри опять все закипает от раздражения. И глаза ее, покрасневшие из-за меня. А кто говорил, что будет легко?

– Ты меня завтрака в лицее лишила. Теперь я жду свой обед в комнате. Не придешь, я приду к тебе сам, – ставлю кошку перед фактом.

– Калужский, ты офонарел? – ругается Арина.

– Не лезь, пожалуйста, – прошу ее. – Кошка, я жду, – небрежно засунув руки в карманы, кручусь на пятках и иду к лестнице. – Блох мне только в еду не напусти, – цепляю Соню.

– Платон! – снова Арина. – Соня, не вздумай никуда ходить. Я сейчас лично выпорю этого мальчишку.

– Да, Соня, – подмигиваю ей с лестницы. – Не ходи. Если я приду сам, тебе понравится больше. Хотя... – задумчиво стучу пальцами по перилам. – Нет. Думаю, понравится только мне!

– Ты посмотри на него! Ты чего разошелся, а? А ну брысь к себе, иначе я отцу скажу, как ты себя ведешь!

Сваливаю. Засаекаю время... Через десять минут в дверь стучат. Неужели пришла?

Открываю. Арина с подносом.

– Я буду есть только если обед мне принесет кошка.

– Ей нечего делать в твоей спальне, как и тебе в ее! Либо забирай, либо ходи голодный. И оставь уже девочку в покое. У нее трагедия в жизни, понимаешь ты это или нет?! А может... – вдруг улыбается она. – Хороший мой, а ты не влюбился случайно?

– Не зови меня, когда придут гости отца, – игнорирую вопрос Арины.

Потому что нет, я не влюбился. Как вообще можно влюбиться в это недоразумение, да еще и так быстро? Красивая – факт. Необычная еще. Плачет, но сопротивляется, а мне интересно найти точку, в которой выйдет это сопротивление сломать. А еще интересно, насколько далеко я готов зайти в этой игре. Остались у меня тормоза или все, я достиг невозврата.

– Мне не нравится эта улыбка, – строго заявляет Арина. – Что ты задумал?

– Ничего.

– Платон, – она проходит в комнату, ставит поднос на компьютерный стол, – ну ты же хороший мальчик, – берет меня за руку. – Я тебя таким агрессивным не воспитывала. Тем более к девочке, которой и без тебя больно. Чего ты колючки свои выпустил, ёжик? – улыбается она.

Тепло так от ее слов и одновременно колит глубоко внутри, словно маленькой тонкой иглой все время тыкают в одно место. И все теплое уходит, оставляя лишь глухое раздражение.

– Она тебе нравится, да? – давит Арина. – Хороший мой, если ты не знаешь, как подойти к девочке, просто спроси. Я постараюсь помочь.

– Не помню, чтобы у меня были проблемы с девочками, – ухмыляясь, разворачиваюсь, ухожу к окну.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – Арина подходит сзади, дотягивается и треплет меня по волосам. – Поешь.

– Не хочу. Кто у нас в гостях сегодня?

– Антон Витальевич Гаврилюк с женой. Часов в пять уже должны быть. Тебе придется спуститься, ты же понимаешь?

– Нет, – отрицательно кручу головой. – С начальником ГИБДД любимый папа прекрасно общается и без меня. Накрайняк есть Гордей. Как любимый сын, пусть отдувается и помогает папочке прикрывать свою задницу.

– Какой же ты упрямый! – толкает меня ладонью в затылок. – Поешь, я сказала! – строго.

– Только когда еду мне принесет кошка, – стою на своем.

Арина закатывает глаза на мою упертость. Ей некогда со мной возиться, приходится уйти. Поднос с аппетитным жарким в горшочке под хлебно-сырной шапкой, разноцветным овощным салатом и свежим хлебом так и стоит на моем столе. Желудок сообщает, что вполне был бы не против получить это все себе.

Беру в руки книгу, ложусь на кровать. Дам своему блохастому раздражителю еще минут десять на раздумье, а потом пойду требовать свой обед.

Конечно, кошка не пришла. Я бы удивился... Даже разочаровался, будь все так просто.

С тоской глянув на остывший обед, выхожу из комнаты, спускаюсь по лестнице, сворачиваю в сторону оливковой комнаты. Без стука открываю дверь. Соня сидит на мягком подоконнике, вытянув стройные ножки в белых носочках и уперев ступни в стену. В ушах наушники. Она смотрит во двор и тихо повторяет фразы на французском. Рыжая коса лежит на плече, всего несколько волнистых прядей падают на бледное лицо с контрастными розовыми губками.

Подхожу ближе. Встаю перед ней. Вздрагивает, поднимает на меня взгляд из-под пушистых ресниц. Солнце играет с цветом ее глаз, делая рыжие мазки в ее зеленых зрачках янтарными.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает, вытащив один наушник.

– Tu me dois le déjeuner (Ты должна мне обед), – напоминаю ей. Нравится ей французский, я не прочь пообщаться на нем.

– Tu sais où est la cuisine (Ты знаешь, где кухня), – отшивает меня.

– Le chat a oublié ce qui est dans mon esclavage? (Кошка забыла, что находится в моем рабстве?)

– Il y a des biscuits sur la table de chevet. Prends-moi et laisse-moi tranquille. (На тумбочке есть печенье. Возьми и оставь меня в покое), – снова пытается вставить наушник.

Выдергиваю его.

– Эй! – возмущается Соня.

– Не вежливо затыкать уши, когда с тобой разговаривают. Ты же в курсе, что голодный мужчина – злой мужчина? М, кошка?

– Où est ici l'homme? Je ne vois pas! (Где здесь мужчина? Не вижу!)

Упираюсь коленом в подоконник, наклоняюсь к кошке так близко, что чувствую ее дыхание с ароматом земляничной жвачки. Зрачки в зеленых глазах становятся огромными. Завороженно смотрю, как весна превращается в ночь. Насыщенные, испуганные... Затягивает.

Мои губы приближаются к ее. Соня в ужасе задерживает дыхание...

– Je vais vous montrer maintenant (Сейчас покажу), – улыбаюсь, медленно наматывая на кулак ее рыжую косу.

Глава 12.

Первый поцелуй

София

Упираю ладони в его грудь, чтобы остановить. Еще секунда, одно движение, вдох или попытка сказать что-то против, и наши губы соприкоснутся.

Платону весело, он играет в свои игры, результат, который я никак не могу просчитать. Но вот это вот, что сейчас пытается сделать этот кареглазый придурок, меня напрягает и пугает. Вся кожа горит огнем и покрывается мурашками, а у него зрачок пульсирует... Не могу оторваться. Голова начинает кружиться от нехватки воздуха.

Давлю ладонями сильнее. Каменный! Никак получается его сдвинуть!

Калужский дышит чуть чаще, прикасается своим носом к моему, легко ведет вверх-вниз, улыбается. Пауза слишком затягивается. Платон просто дразнит, испытывает мои нервы на прочность. Моя коса стиснута в его напряженной руке. Сейчас дернет и все, у меня будет первый в жизни поцелуй с парнем. И с каким? С самым отвязным придурком, которого только можно встретить!

Не хочу я так! По-другому представляла себе этот момент.

Пытаюсь отклониться в сторону.

– Не-а, – Платон тянет меня за косу обратно, но теперь между нами немного больше расстояния. – Поцелуй меня... сама.

– С чего это вдруг я должна тебя целовать? Отпусти! – требую, снова пытаюсь оттолкнуть его.

Становится немного больно, потому что отстраняется Платон и тянет меня за собой за косу.

– Ай-яй! – взвизгиваю.

– Сама виновата. Не дергайся. Я ведь предупреждал: не придешь ко мне, я приду сам. Я пришел и требую компенсировать отсутствие обеда поцелуем.

– Да принесу я тебе твой обед! Принесу! Уйди только отсюда, – умоляю его.

– Начнем с того, что это мой дом, и я могу находиться в нем где угодно, – напоминает, где мое место. – А есть я больше не хочу.

– А как же блохи? – зло фыркаю на него. – Не боишься подцепить?

– Зараза к заразе не пристаёт, – смеется Платон и неожиданно, нагло прижимается к моим губам.

Резко кусаю его за нижнюю. На языке моментально появляется привкус крови... Его!

– Черт!!! – отскакивает от меня. – Ты чего творишь, дикая?! – морщится он, прижимая пальцы к раненной губе. Смотрит на красные разводы на подушечках.

Его глаза опасно сужаются. Невооруженным взглядом вижу, как напрягается все его тело, на шее выступают вены, бешено колотится пульс.

– Уходи, – отворачиваюсь к окну.

Так обидно становится. Это все же случилось. Первый поцелуй.

Во рту неприятно от вкуса чужой крови. Немного подташнивает от него и от нервов. Платон смотрит, как я прячу под бедра дрожащие пальцы. И не уходит. Вот почему он не уходит?! Ну получил же уже, что хотел! Свою дурацкую компенсацию за завтрак и за обед тоже. Пусть свалит теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.